



KARIN BOYE

KALLOCAIN



**LIKE
BOOK**

МОСКВА
2023

УДК 821.113.6-312.9
ББК 84(4Шве)-44
Б77

Karin Boye
KALLOCAIN

Перевод со шведского *И. Дмоховской*
Художественное оформление *А. Андреева*
Иллюстрация на переплете: *Никита Каун*

Бойе, Карин.
Б77 Каллокаин / Карин Бойе ; [перевод со шведского
И. Дмоховской]. — Москва : Эксмо, 2023. — 256 с.

ISBN 978-5-04-179113-1

Мировая империя — совершенное государство будущего. Здесь для осуществления тотального контроля за людьми открыто ведется наблюдение. А доносы являются долгом каждого порядочного гражданина.

Химик Лео Калль — верный сторонник правящего режима. Он разрабатывает сыворотку правды, каллокаин, которая способна раскрывать чувства и самые сокровенные мысли людей. Теперь предатели будут разоблачены один за другим.

Очень скоро Лео начинает подозревать свою жену в измене и решает с помощью сыворотки узнать правду. Но разве не удивительно, что все на свете, даже правда, теряет свою ценность, как только становится принудительным?

УДК 821.113.6-312.9
ББК 84(4Шве)-44

© Дмоховская И., перевод на русский язык, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-179113-1

* * *

То, что я сижу и пишу книгу, наверное, многим покажется бессмыслицей. Не знаю, впрочем, уместно ли тут слово «многие», ведь вряд ли кто-то вообще узнает об этом. Я начал писать не по чьему-либо принуждению, а добровольно, хотя и сам не могу объяснить зачем. Это стало моей потребностью — вот и все объяснение. В наши дни, когда ничего не делается без определенной цели, я один поступаю вопреки принятым нормам. Хотя все двадцать лет, что я проработал за решеткой, в химической лаборатории врага, были заполнены лихорадочным трудом, какая-то часть моего существа словно оставалась свободной и искала чего-то другого. Во мне совершалась внутренняя работа, и я, даже не всегда сознавая ее смысл, чувствовал, что она для меня всего важнее, и ждал, когда и чем она разрешится... Наверное, это случится, когда я закончу книгу. О, отлично понимаю, как нелепо выглядит мое занятие на фоне всеобщего рационалистического мышления и прагматизма, но остановиться уже не могу.

Может быть, раньше я просто не решался взяться за перо; может быть, меня побудила к этому жизнь в заключении — не знаю. Условия, в которых я сейчас нахожусь, не слишком отличаются от тех, что были у меня на свободе. Пицца чуть-чуть похуже, но к этому можно привыкнуть. Койка немного жестче той, на которой я спал дома — в Четвертом Городе, городе Химиков, но и к этому нетрудно приспособиться. Реже выхожу на свежий воздух, но и это в конце концов не беда. Хуже другое — разлука с женой и детьми, тем более что до сих пор я так ничего и не знаю о их судьбе. Первые годы меня непрерывно мучили беспокойство и страх, но время как-то все сгладило, и в общем я примирился со своим существованием. Сейчас мне нечего бояться. У меня нет ни подчиненных, ни начальников, разве только надзиратели. Но они редко мешают моей работе и следят лишь за тем, чтобы я выполнял правила внутреннего распорядка. Нет у меня ни покровителей, ни конкурентов. Чтобы я был в курсе новейших достижений химии, время от времени мне устраивают встречи с учеными; они беседуют со мной деловито и вежливо, иногда — из-за того, что я иностранец, — чуть-чуть снисходительно. Знаю, что ни у кого из них нет оснований завидовать мне. Короче говоря, в некоторых отношениях мне живется даже легче, чем на свободе. Но странное дело: чем больше я привыкал к новому образу жизни, тем

больше давала о себе знать та внутренняя работа, о которой я уже говорил. Мне не будет покоя, пока я не разделаюсь с мыслями о прошлом и не запишу свои воспоминания. Поскольку я занимаюсь наукой, писать мне разрешено. Как правило, в процессе работы никто меня не контролирует, так что я могу спокойно растянуть это удовольствие — может быть, последнее в моей жизни.

Итак, я приступаю. Когда все это началось, мне было около сорока. Пожалуй, нужно сказать несколько слов о себе, поэтому прежде всего расскажу, какой представлялась мне тогда жизнь. Мне кажется, ничто так не характеризует человека, как его видение жизни, тот образ — будь то дорога, поле, растущее дерево или бурный океан, — с которым связывается в его сознании понятие жизни. Что до меня, то я и в зрелом возрасте ходил на примерного школьника. Жизненный путь представлялся мне чем-то вроде лестницы: задыхаясь, я торопливо одолеваю ступеньку за ступенькой, а за мной по пятам следуют соперники. Впрочем, в действительности у меня было не так уж много соперников. Большинство моих коллег свои честолюбивые помыслы связывали с военной службой; работу они рассматривали как необходимое, но скучное приложение к вечерним военным занятиям. Я никогда не признался бы им, что химия для меня важнее военного дела, хотя и был вовсе не плохим

солдатом. В общем, я продвигался вверх по лестнице, никогда особенно не задумываясь ни над тем, сколько ступеней пройдено, ни над тем, что ожидает меня на самом верху. Здание жизни представлялось мне в виде наших обычных городских домов, где из глубин земли можно подняться на крышу-террасу к свежему воздуху, ветру и дневному свету. Что именно на моем жизненном пути должно соответствовать воздуху и свету, я и сам не знал. Но зато четко и определенно фиксировалась каждая пройденная ступенька. Я отсчитывал их в соответствии с официальными уведомлениями начальства о сдаче экзамена, об успешном проведении того или иного эксперимента, о переводе на более ответственную должность. Один этап сменялся другим, но я никогда не уставал с волнением ждать следующего. Именно поэтому в тот памятный день меня слегка лихорадило после краткого телефонного разговора, из которого я узнал, что завтра ко мне в лабораторию придет инспектор и что, следовательно, мне теперь разрешено экспериментировать с человеческим материалом. Значит, завтра подвергнется решающему испытанию мое самое значительное открытие.

До конца рабочего дня оставалось еще десять минут, но я был так взбудоражен, что ничего не мог делать. Пришлось схитрить — кажется, впервые в жизни. Медленно и осторожно я начал убирать при-

боры в шкафы, все время поглядывая сквозь стеклянные стены, не видит ли кто, чем я занимаюсь. И как только послышался звонок, возвещающий конец работы, я выскочил из лаборатории и одним из первых побежал по длинному коридору. Торопливо помывшись под душем, я сменил рабочий комбинезон на форменную одежду свободного времени, вскочил в лифт и через несколько секунд очутился на улице. Поскольку мы жили поблизости от места моей работы, у меня был постоянный пропуск для выхода на поверхность, и я никогда не упускал возможности пройтись по свежему воздуху.

Когда я проходил мимо станции подземки, мне пришло в голову, что стоит подождать Линду. От пищевого концерна, где она работала, ехать не меньше двадцати минут, и она, конечно, еще не успела добраться до дому. Поезд только что прошел, поток людей, хлынувший из-под земли, забурлил у прохода, где проверяли пропуска для выхода на поверхность, и медленно растекся по ближайшим улицам. Над пустыми сейчас крышами-террасами, над бесчисленными рулонами серого и зеленого брезента, с помощью которых можно было за десять минут замаскировать город, чтобы неприятель не смог увидеть его с воздуха, кишела толпа возвращавшихся домой людей в форменной одежде свободного времени. И внезапно

мне пришло в голову, что все они, как и я, стремятся к одному — пробиться наверх.

Эта мысль захватила меня. Я знал, что раньше, в цивилинную эпоху, люди работали и тратили силы ради более просторных жилищ, лучшей пищи или роскошной одежды. Теперь это никому не требовалось. Стандартные квартиры — однокомнатные для холостяков, двухкомнатные для семьи — одинаково предоставлялись всем независимо от чинов и заслуг. И генерала, и рядового обеспечивала едой одна и та же домовая кухня. Форма одежды: одна для работы, другая для свободного времени, третья — для военной и полицейской службы — одинакова для всех, без различия пола и должности. Я мог бы поручиться, что для любого подданного Мировой Империи высшее достижение, которого можно добиться в жизни, рисовалось в форме всего лишь трех черных полосок на рукаве, свидетельствовавших о самом высоком воинском звании. Они гарантировали и самоуважение, и почтение других. Дело не в материальных благах. Мне кажется, что и двенадцати комнатные виллы, которыми владели капиталисты давно прошедшей цивилизной эпохи, имели для своих хозяев значение скорее символическое — как залог и воплощение всеобщего почитания, ибо это единственное, чем невозможно пресытиться. Каждый хочет добиться преклонения других — этого самого желанного, самого труднодостижимого и зыб-

кого из всех преимуществ, которые дает высокое положение. Но именно на этой непрочной основе строился во все века наш твердый общественный порядок. Так я размышлял, стоя у входа в подземку. Прошло четыре поезда, четыре раза толпа выливалась на свет, пока наконец не появилась Линда. Я поспешил ей навстречу, и мы зашагали рядом.

Разговаривать мы, конечно, не могли — все звуки заглушал шум самолетов, круглосуточно совершавших учения, но Линда заметила, что я чем-то обрадован, и кивнула приветливо, хотя, как всегда, несколько сдержанно. Только когда мы вошли в дом и спустились в лифте на свой этаж, наступила относительная тишина. Правда, здесь слышался шум метро, от которого вздрагивали стены, но он был вполне терпим. Никто из нас не раскрыл рта, пока мы не зашли в квартиру. Если бы нам вздумалось начать разговор в лифте, любой оказавшийся рядом непременно заподозрил бы, что мы обсуждаем дела, о которых не следует знать детям и горничной. Бывали уже такие случаи, когда враги Империи и прочие преступники пытались использовать кабины лифтов для тайных встреч: дело в том, что по техническим причинам в лифты невозможно вмонтировать специальные приборы «ухо полиции» и «глаз полиции», а у вахтера и без того много дел, и он не может бегать и подслушивать на лестнице.

Итак, мы молча вошли в свою комнату. Наша горничная уже успела накрыть на стол и привести детей с домовой детской площадки. Я и Линда дружески поздоровались с ней. Мы вообще были с ней в хороших отношениях, потому что она была аккуратной и симпатичной девушкой, а не потому только, что долг предписывал ей, как и всем горничным, еженедельно подавать рапорт о нашей семье.

В квартире царили уют и радость. Особенно приятно, что вместе со всеми сидел и наш старший сын Оссу. Сегодня был семейный вечер, так что и он смог прийти в гости из Барнлэгер¹.

— А у меня хорошие новости, — сказал я Линде, когда все принялись за картофельный суп. — Завтра начну экспериментировать с людьми. В присутствии инспектора, конечно.

— А ты знаешь, кто это будет? — спросила Линда.

Ее невинный вопрос заставил меня вздрогнуть. С одной стороны, казалось бы, совершенно естественно, что жена спрашивает мужа, кто будет у него инспектором, ведь от его придирчивости зависела продолжительность испытаний. Случалось также, что иной честолюбивый инспектор присваивал себе чужое открытие, и с этим, как правило, ничего нельзя было поделать. Так что желание близкого человека узнать, с кем мне придется работать, вполне законо-

¹ Городок для детей.

мерно. Но мне почудился в голосе Линды особый оттенок. Моим непосредственным начальником и первым кандидатом в инспектора был Эдо Риссен, а он раньше работал в том же пищевом концерне, что и Линда. Я знал, что по долгу службы им часто приходилось общаться друг с другом, и по некоторым признакам догадывался, что моя жена испытывает к нему симпатию. И вот теперь ее вопрос внезапно пробудил во мне ревность. Насколько они были близки? На большой фабрике легко найдется место, где двое могут укрыться от посторонних взглядов, на складе например. Кладовщик не всегда сидит на месте, а вдоль стеклянных стен громоздятся груды ящиков и тюков. Кроме того, Линде, как и всем остальным, приходилось иногда дежурить ночью. Ее очередь вполне могла совпасть с дежурством Риссена. Да, все возможно, в том числе и самое худшее — может быть, она и до сих пор еще любила его.

В то время я редко задумывался над собственными чувствами. Не заботило меня и то, что думают обо мне другие, ведь это не имело никакого практического значения. Лишь много позже, уже в заключении, я начал, возвращаясь мыслями к прошлому, анализировать свое состояние. Теперь-то я понимаю: когда у меня возникла догадка о близости между Линдой и Риссеном, я в глубине души хотел не опровержения ее, а подтверждения. Точнее говоря, мне нужна была

какая-то причина, которая положила бы конец моему браку.

Но тогда я с негодованием отверг бы подобную мысль, Линда играла слишком большую роль в моей жизни. Она значила для меня не меньше, чем вся моя карьера. Против воли и вопреки здравому смыслу я был отчаянно привязан к ней.

Многие считают любовь устаревшей выдумкой романтиков, но я боюсь, что она все-таки существует и с самого начала в ней заключено нечто неописуемо мучительное. Мужчину тянет к женщине, женщину — к мужчине, но с каждым шагом, который приближает их друг к другу, оба как бы теряют какую-то часть своей души. Человек надеется на победу, а сам терпит поражение. Это чувство появилось у меня еще во время моего первого брака (мы разошлись, потому что у нас не было детей, не имело смысла дальше жить вместе). Но с Линдой это стало просто кошмаром, но тогда я еще не догадывался, что причина кошмара — именно она. У меня возникало иногда такое ощущение, словно я стою среди тьмы, освещенный лучами прожектора, его сверкающий глаз направлен прямо на меня, мне стыдно, и я, извиваясь как червяк, пытаюсь спрятаться. Лишь много позже я догадался, что виной всему Линда. С ней я чувствовал себя пугающе незащищенным, мне постоянно хотелось забиться куда-то в угол, спрятаться, а она оставалась

КАЛЛОКАИН

неизменно загадочной, сильной, да, чуть ли не сверхчеловечески сильной, она бередила и тревожила меня, а эта ее загадочность — о, она давала ей ненавистное преимущество. Когда ее губы вытягивались в узкую красную черту, — нет, это нельзя было назвать улыбкой, радостной или насмешливой, скорее это напоминало натянутый лук, — а глаза становились неподвижными, меня пронизывала дрожь ужаса. И в то же время меня тянуло, неодолимо тянуло к ней, хоть я и признавал, что никогда она не раскроет мне свой внутренний мир. Должно быть, это и есть любовь, когда в отчаянии безнадежности один человек крепко держится за другого и, несмотря ни на что, ждет чуда.